

На плотях

...Грузные тучи медленно ползут над сонной рекой; кажется, что они спускаются все ниже и ниже; кажется, что вдали их серые лохмотья коснулись поверхности быстрых и мутных весенних волн, и там, где они коснулись воды, встала до небес непроницаемая стена облаков, заградившая собою течение реки и путь плотам.

И волны, безуспешно подмывая эту стену, бьются о нее с тихим, жалобным рокотом, бьются и, отброшенные ею, разбегаются вправо, влево, где лежит сырая тьма весенней, свежей ночи.

Но плоты плывут вперед, а даль отодвигается пред ними в пространство, полное тяжелых облачных масс.

Берегов не видать их скрыла ночь и оттолкнули куда-то широкие волны разлива.

Река точно море. Небо над нею окутано облаками, тяжело, сыро и скучно.

Плоты скользят по воде быстро и бесшумно, а навстречу им из тьмы выдвигается пароход, выбрасывая из трубы веселую толпу искр и глухо ударяя по воде плицами колес...

Два красных фонаря на отводах все увеличиваются, становятся ярче, а фонарь на мачте тихо покачивается из стороны в сторону и таинственно подмигивает тьме.

Пространство наполнено шумом разбиваемой воды и тяжелыми вздохами машины.

По-оглядывай! раздается на плотях сильный грудной оклик.

У рулевых весел, на хвосте плота, стоят двое: Митя сын сплавщика, русский, хилый, задумчивый парень лет двадцати, и Сергей работник, хмурый, здоровый детина в рыжей бороде; из ее рамки выдаются крепкие, крупные зубы, не закрытые верхней губой, насмешливо вздернутой кверху.

Клади лево! снова сотрясает тьму громкий крик спереди плотов.

Знаем и сами, чего орешь? недовольно ворчит Сергей и, вздыхая, наваливается грудью на весло.

О-ух! Вороти крепчае, Митюк!

Митрий, упираясь ногами в сырые бревна, тянет к себе тонкими руками тяжелую жердь руль и хрипло кашляет.

Гни... бери левей!.. Черти, дьяволы! кричат спереди тревожно и озлобленно.

Ори! Твой-то чахлый сын соломину о колено не переломит, а ты его на руль ставишь, да и орешь потом на всю реку. Жаль было еще работника нанять кощею-снохачу. Ну, и рви теперь глотку-то!..

Сергей ворчит уже громко, очевидно, не опасаясь, что его услышат, и даже как бы желая этого...

Пароход мчится мимо плотов, с ропотом выметывая из-под колес пенистые волны. Бревна раскачиваются на воде, и скрученные из сучьев связи скрипят жалобным и сырым звуком.

Освещенные окна парохода смотрят на реку и плоты, как ряд огненных глаз, отражаются на взволнованной воде светлыми трепещущими пятнами и исчезают.

Волны сильно плещут на плоты, бревна прыгают, и Митрий, покачиваясь на ногах, крепко прижимается к рулю, боясь упасть.

Ну, ну! насмешливо урчит Сергей, заплясал! Вот отец-то гаркнет тебе опять... А то пойдет да всадит тебе в бок-то раза, тогда не так заплашешь! Бери право! Ой-ну! О-о!..

И упругими, как стальные пружины, руками Сергей мощно ворочает свое весло, глубоко разрывая им воду...

Энергичный, высокий, немного злой и насмешливый, он стоит так, точно прирос к бревнам босыми ногами, и в напряженной позе, готовый каждую секунду поворотить плоты, зорко смотрит вперед.

Ишь отец-то у тебя, как обнимает Марьку-то! Ну и дьяволы же! Ни стыда, ни совести! И чего ты, Митрий, не уйдешь куда от них, чертей поганных?.. а? Слышь, что ли?

Слышу! вполголоса говорит Митрий, не глядя туда, где Сергей, сквозь тьму, видит его отца.

Слышу-у! Эх ты, тюря! дразнится Сергей и хохочет. Дела! продолжает он, подзадориваемый апатией Митрия. Ну и старик черт! Женил сына, отбил сноху и прав! Старый галман!

Митрий молчит и смотрит назад по реке, где тоже образовалась стена густых облаков.

Теперь облака везде, и кажется, что плоты не плывут, а неподвижно стоят в этой густой и черной воде, подавленной тяжелыми темно-серыми грудями туч, упав в нее с неба, они заградили ей путь.

Река кажется бездонным омутом, со всех сторон окруженным горами, высокими до неба и одетыми густым покровом тумана.

Кругом томительно тихо, и вода точно ждет чего-то, слабо поплескивая на плоты. Много грусти и какой-то робкий вопрос слышится в этом бедном звуке, единственном среди ночи и еще более оттеняющем ее тишину...

Ветру бы теперь дунуть... говорит Сергей. Нет, не надо ветру ветер дождя нагонит, возражает он сам себе, набивая трубку.

Вспыхивает спичка, слышно хрипение в засоренном чубуке, и красный огонек,

то разгораясь, то угасая, освещает ныряющее во тьме широкое лицо Сергея. Митрий! раздаётся его голос. Теперь он менее угрюм, и в нем яснее звучит насмешливая нота.

А? вполголоса отвечает Митрий, не отводя глаз из дали, где он пристально рассматривает что-то большими и грустными глазами.

Как же это, брат ты мой, а?

Чего? отзывается Митрий недовольно.

Женился-то?! Смехи! Как это было-то? Ну, пошли вы, значит, с женой спать? Ну, как же?!

Эй, вы, там! По-оглядыва-ай! угрожающе пронеслось над рекой.

Ишь ревет, снохач анафемский! с восхищением отмечает Сергей и снова возвращается к своей теме. Ну, скажи, что ли? Мить! Скажи, чай! а?

Отстань, Серега! говорил ведь! просительно шепчет Митрий; но, должно быть, зная, что от Сергея не отвяжешься, торопливо начинает: Ну, пришли мы спать. Я и говорю ей: Не могу я мужевать с тобой, Марья. Ты девка здоровая, я человек больной, хилый. И совсем я жениться не желал, а батюшка, мол, силком меня женись, говорит, да и все! Я, мол, вашу сестру не люблю, а тебя больше всех. Бойка больно... Да... И ничего я этого не могу... понимаешь...

Пакость одна да грех... Дети тоже... За них ответ богу дать надо...

Пакость! взвизгивает Сергей и громогласно хохочет. Ну и что ж она, Марья-то? а?

Ну... Что же, говорит, мне делать теперь? Плачет сидит. Чем, говорит, я тебе не по сердцу? Али, говорит, я уродина какая? Бесстыдница она, Серега!.. Что же, говорит, мне с моим здоровьем к свекру, что ли, идти? Я говорю: Как хошь, мол... Куда хошь иди. Мне, мол, супротив души невозможно поступить...

Дедушка Иван говорил смертный грех это дело. Скоты мы с тобой, что ли, мол? Плачет все. Загубили, говорит, мою девичью красоту. Жалко ее было мне. Ничего, мол, как-нибудь обойдётся. А то, мол, в монастырь иди. Она ругаться: Дурак ты, говорит, Митька, подлец...

А, б-батюшки! восхищенным шепотом шипит Сергей. Так ты ей и отколол в монастырь?

Так и сказал, просто говорит Митя.

А она тебя дураком? повышает тон Сергей.

Да... обругала.

За дело, брат! Ах-ах и за дело! Вздуть бы еще надо! вдруг меняет тон Сергей. Теперь он говорит строго и внушительно. Разве ты можешь супротив закону идти? А ты пошел! Установлено ну, значит, и шабаш! Не моги спорить. А ты накося! Эко, выворотил корягу! В монастырь! Дурья голова! Ведь девке-то что надо? Али монастырь? Ну и люди нынче! Ты подумай что вышло? Сам ты ни бэ, ни мэ, ни ку-ка-ре-ку, девку погубил... полюбовницей стариковой стала

старика во грех снохаческий ввел. Сколько ты закона нарушил? Го-олова! Закон-то, Сергей, в душе. Один закон про всех: не делай такого, что против души твоей, и никакого ты худа на земле не сделаешь, тихо и умиротворяюще проговорил Митрий, потрянув головой.

А ты вот сделал! энергично возразил Сергей. В душе! Эко, тоже... Мало ли что в душе-то есть. Всему запрета полагать нельзя. Душа, душа... Ее, брат, понимать надо, а потом уж и того...

Нет, ты это не так, Сергей! горячо заговорил Митрий, точно вспыхнул вдруг. Душа-то, брат, всегда чиста, как росинка. В скорлупке она, вот что! Глубоко она. А коли ты к ней прислушаешься, так не ошибешься. Всегда по-божески будет, коли по душе сделано. В душе ведь бог-то, и закон, значит, в ней. Богом она создана, богом в человека вдунута. Нужно только в нее заглянуть уметь. Нужно только не жалеючи себя...

Эй, вы! Деймоны сонные! Гляди в оба! раскатисто загремело и поплыло по реке.

По силе звука чувствовалось, что кричит человек здоровый, энергичный, довольный собой, человек с большой и ясно сознанной им жизнеспособностью. Кричалось не потому, что окрик был вызван сплавщиками, а потому, что душа была полна чем-то радостным и сильным, это радостное, сильное просилось на волю, и вот вырвалось в гремящем, энергичном звуке.

Ишь как тьякнул, старый черт! с удовольствием отметил Сергей, зорко глядя вперед. Милуются, голубки! Завидно не бывает, Митька?

Митрий равнодушно посмотрел туда, к передним веслам, где две человеческие фигуры перебегали по плотам справа налево и, останавливаясь близко друг к другу, иногда сливались в одну плотную, темную массу.

Не завидно? повторил Сергей.

Что мне? Их грех их ответ, тихо сказал Митя.

Та-ак! иронически протянул Сергей и подложил табаку в трубку. Снова во тьме заблестел красный огонек.

А ночь становилась все гуще, и серые тучи, черные, все ниже спускались над тихой, широкой рекой.

Где ж это ты, Митрий, нахватал такой мудрости, а? Али уж у тебя это врожденное? Не в отца ты, браток. Герой у тебя отец-от. Смотри-ко полсотни годов ему, а он какую кралечку милует! Сок один баба. И любит она его что уж тут! Любит, брат. Нельзя не любить козыря такого. Король козырей, бардадын отец-от у тебя. Работает любо глядеть, достаток большой; почета хошь отбавляй, и голова на месте. Н-да. А ты вот ни в мать, ни в отца. Мить? А что бы отец-от сделал, кабы покойница Анфиса жива была? Чудно! Посмотрел бы я, как она его... Тоже баба была бой, матка-то твоя... Под пару Силану-то.

Митрий молчал, облокотясь на весло и глядя в воду.

Сергей тоже замолчал. Спереди плотов доносился звонкий женский смех. Ему вторил басовитый смех мужчины. Затканые мглой, их фигуры были еле видны Сергею, с любопытством смотревшему на них сквозь тьму. Можно было видеть, что мужчина высок и стоит у весла, широко расставив ноги, вполоборота к кругленькой, маленькой женщине, прислонившейся грудью к другому веслу, саженьях в полутора от первого. Она грозит мужчине пальцем, рассыпчато и задорно посмеиваясь. Сергей отвернулся со вздохом сокрушения и, сосредоточенно помолчав, заговорил опять:

Эхма! И ладно же им там. Мило! Мне бы вот так-то, бобылю-шатале! Ни в жисть бы от такой бабы не ушел! Эх ты! Так бы все и мял ее в руках, не выпускал. На, чувствуй, как люблю... Черт те! Не везет вот мне на бабу... Не любят, видно, бабы рыжих-то. Н-да. Капризная она баба эта... А шельма! Жадна жить. Митя! Эй, спишь?

Нет, тихо ответил Митя.

То-то! Как же ты, брат, жизнь проходить будешь! Ведь ежели говорить правду один ты, как перст. Тяжело! Куда ж ты себя теперь определишь? Житья тебе настоящего на людях не найти. Смешно больно. Али это человек, который постоять за себя не умеет! Нужно, брат, зубы да когти. Всякий тебя будет забиждать. Рази ты можешь оборониться? Чем тебе оборониться? Эхе-хе! Чудён! Куда ж ты?

Я-то? вновь встрепнулся Митя. Я уйду. Я, брат, осенью ныне на Кавказ, и кончено! Господи! Только бы скорее от вас! Бездушные! Безбожные вы люди, бежать от вас одно спасенье! Зачем вы живете? Где у вас бог? Слово у вас одно... Али вы во Христе живете? Эх вы, волки вы! А там иные люди, живы души их во Христе, и сердца их содержат любовь и о спасении мира страждут. А вы? Эх вы! Звери, пакость рыкающие! Есть иные люди. Видел я их. Звали меня. К ним и уйду. Книгу святого писания принесли мне они. Читай, говорят, человек божий, брат наш любезный, читай слово истинно!.. И читал я, и обновилась душа моя от слова божия. Уйду. Брошу вас, волки безумные, от плоти друг друга питаетесь вы. Анафема вам!

Митрий говорил это страстным шепотом и задыхался от переполнявшего его чувства презрительной злобы к безумным волкам, от жажды тех людей, души которых мыслят о спасении мира.

Сергей был ошеломлен. Он помолчал, широко открыв рот, держа в руке свою трубку, подумал, оглянулся кругом и сказал густым, угрюмым голосом:

Ишь как взъелся!.. Злой тоже. Напрасно чёл книгу-то. Кто ё знает, какая там она? Ну... вали, вали, утекай, а то совсем испортиться можешь. Айда! Беги, пока не озверел совсем... А что ж это за люди там, на Кавказе? Монахи? Аль,

может, староверы? Они молоканы, что ли? А?

Но Митрий потух уже, так же быстро, как и вспыхнул. Он ворочал веслом, задыхаясь от усилий, и что-то шептал быстро и нервно.

Сергей долго ждал его ответа и не дождался. Его здоровую, несложную натуру давила мрачная, мертвенно тихая ночь, ему хотелось напомнить себе самому о жизни, будить эту тишину звуками, всячески тревожить и вспугивать это притаившееся созерцательное молчание тяжелой массы воды, медленно лившейся в море, и уныло застывшие в воздухе неподвижные груды облаков. На том конце плота жили и его возбуждали к жизни.

Оттуда то и дело долетал то тихий, довольный смех, то отрывочные восклицания, стушеванные тишиной и тьмой этой ночи, полной запаха весны, возбуждавшего горячее желание жить.

Брось, Митрий, куда воротить? Ругнет старик-то, смотри, заметил он наконец, не вынося более молчания и видя, что Митрий бесцельно буравит воду веслом. Митрий остановился, отер вспотевший лоб и замер, прислонясь грудью к веслу и тяжело дыша.

Мало сегодня пароходов чего-то... Кой час плывем, а всего один встретился. И, видя, что Митрий не собирается ответить, Сергей резонно объяснил сам себе:

Это потому, что навигация еще не открылась. Начинается только еще. А живо мы сплывем в Казань-то здорово тащит Волга. Хребет у нее богатырский все поднимет. Ты чего стоишь? Осерчал, что ли, а, Мить? Эй!

Ну что? недовольно спросил Митрий.

Ничего, чудак человек... Чего, мол, молчишь? Думаешь все? Брось. Вредно это человеку. Эх ты, мудрец, мудришь ты, мудришь, а что разума-то у тебя нет, это тебе и невдомек! Ха-ха!

И Сергей, посмеявшись, в сознании своего превосходства крепко крикнул, помолчал, засвистал было, но оборвал свист и продолжал развивать свою мысль далее:

Думы! Али это для простого человека занятие? Вон, глянь-ко, отец-от твой не мудрит живет. Милует твою жену да посмеивается с ней над тобой, дураком мудрым. Так-то! Чу, как они? Ах ты, дуй их горой! Поди уже беременна Марька-то! Не бойсь, не в тебя дите-то будет. Такой же, надо полагать, ухарь, как и Силан Петров. А твоим ведь зачислится ребенок-то. Дела! Ха! Тятка, скажет тебе. А ты ему, значит, не тятка, а брат будешь. А тятка-то у него дедушка! Эх ты, ловко! Эки пакостники! А удалцы народы! Так ведь, Митя? Сергей! раздался страстный, взволнованный, чуть не рыдающий шепот.

Христа ради прошу, не рви ты мою душу, не жги меня, отстань! Молчи!

Христом-богом прошу, не говори со мной, не растравляй меня, не соси мою кровь. Брошусь в реку я, грех ляжет на тебя большой! Душу мою загублю я, не

трожь ты меня! Богом клянусь прошу!..

Тишину ночи разорвал болезненно визгливый вопль, и Митрий, как стоял, опустился на бревна, точно его пришибло что-то тяжелое, упавшее на него сверху из угрюмых туч, нависших над черной рекой.

Ну, ну, ну! боязливо заворчал Сергей, поглядывая, как его товарищ метался по бревнам, точно обожженный огнем. Чудак человек! Этакий чудак... сказал бы, чай... коли не тово тебе... не этово...

Всю дорогу ты мучишь меня... за что? Враг я тебе? а? враг? горячо шептал Митя...

Чудак ты, брат! Ах, какой чудак! смущенно и обиженно бормотал Сергей. Рази я знал что? Мне твоя душа неведома, чай!

Забывать я хочу это, пойми! Забыть на всю жизнь! Позор мой... мука лютая... свирепые вы люди! Уйду я! Навек уйду... Не в мочь мне...

Да уходи!.. гаркнул Сергей на всю реку, подкрепил восклицание громоподобным циничным ругательством и сразу осекся, как-то съежился и присел, очевидно, тоже подавленный развернувшейся пред ним душевной драмой, не понять которой теперь он не мог уже.

Эй, вы! носился над рекой голос Силана Петрова. Что у вас? Чего лааете? а-эй? Должно быть, Силану Петрову нравилось шуметь на реке среди тяжелого молчания своим густым и крепким басом. Окрики лились один за другим, сотрясая воздух, теплый и сырой, подавляя своей жизненной силой тщедушную фигуру Митрия, уже снова стоявшего у весла. Сергей, во всю мочь отвечая хозяину, в то же время вполголоса ругал его крепкой и соленой русской руганью. Два голоса рвали тишину ночи, будили ее, встряхивали и то сливались в одну густую ноту, сочную, как звук большой медной трубы, то, возвышаясь до фальцета, плавали в воздухе, гасли и гибли. Потом снова стало тихо.

Сквозь разрыв в тучах на темную воду пали желтые пятна лунных лучей и, посверкав с минуту, исчезли, стерты сырой тьмой.

Плоты плыли дальше, посреди тьмы и молчания.

У одного из передних весел стоял Силан Петров, в красной рубахе с расстегнутым воротом, обнажавшим его могучую шею и волосатую, прочную, как наковальня, грудь. Шапка сивых волос нависла ему на лоб, и из-под нее усмехались большие, горячие, карие глаза. По локоть засученные рукава рубахи обнажали жилистые руки, крепко державшие весло, и, немного подавшись корпусом вперед, он что-то зорко высматривал в густой тьме дали. Марья стояла в трех шагах от него, к течению боком, и с улыбкой поглядывала на широкогрудую фигуру милого. Оба молчали, занятые наблюдением: он за далью, она за игрой его живого бородатого лица. Костер рыбацкий, должно! поворотился он к ней лицом. Ничего. Держим

прямо! О-ох! выдохнул он из себя целый столб горячего воздуха, ровно ударив веслом влево и мощно проводя им по воде. Не натужься больно-то, Машурка! заметил он, видя, что и она делает тоже ловкое движение своим веслом.

Кругленькая, полная, с черными бойкими глазами и румянцем во всю щеку, босая, в одном мокром сарафане, приставшем к ее телу, она повернулась к Силану лицом и, ласково улыбаясь, сказала:

Уж больно ты бережешь меня. Чай, я слава те господи!

Целую не берегу! передернул плечами Силан.

И не след! вызываяще прошептала она.

Они замолчали, оглядывая друг друга жадными взглядами.

Под плотами задумчиво журчала вода. Справа, далеко где-то, запели петухи. Чуть заметно колыхаясь под ногами, плоты плыли вперед, туда, где тьма уже редела и таяла, а облака принимали более резкие очертания и светлые оттенки.

Силан Петрович! Знаешь, чего они там визжали? Я знаю, право слово, знаю! Это Митрий жалился на нас Сережке, да и проскулил так-то жалобно с тоски, а Сережка-то и ругнул нас.

Марья пытливо уставилась в лицо Силана, теперь, после ее слов, суровое и холодно упрямое.

Ну, так что? коротко спросил он.

Так. Ничего.

А коли ничего, так и говорить было нечего.

Да ты не серчай!

На тебя-то? И рад бы иной раз, да не в силу.

Любишь Машку? шаловливо прошептала она, наклонясь к нему.

Э-эх! выразительно крикнул Силан и, протянув к ней свои сильные руки, сквозь зубы сказал: Иди, что ли... Не задорь...

Она изогнулась, как кошка, и мягко прильнула к нему.

Опять собьем плоты-то! шептал он, целуя ее лицо, горевшее под его губами.

Будет уж! Светает... Видно нас с того конца.

Она попыталась оттолкнуться от него. Но он еще крепче прижал ее рукой.

Видно? Пускай видят! Пускай все видят! Плюю на всех. Грех делаю, точно.

Знаю. Ну что ж? Подержу ответ господа. А все ж таки женой ты его не была.

Свободная, стало быть, ты сама своя... Тяжко ему? Знаю. А мне? Али снохачом быть лестно? Хоть оно, положим, ты не жена ему... А все ж! С моим-то почетом каково мне теперь? А перед богом не грех? Грех! Все знаю! И все преступил.

Потому стоит. Один раз на свете-то живут, и кажинный день умереть можно.

Эх, Марья! Месяц бы мне один погодить Митьку-то женить! Ничего бы этого не было. Сейчас бы после смерти Анфисы сватов к тебе заслал и шабаш! В

законе. Без греха, без стыда. Ошибка моя была. Сгрызет она мне лет

пяток-десяток, ошибка эта. Умрешь от нее раньше смерти...

Ну ладно, брось, не тревожь себя. Было говорено про это не раз уж, прошептала Марья и, тихонько освободившись от его объятий, подошла к своему веслу. Он стал работать порывисто и сильно, как бы желая дать исход той тяжести, что легла ему на грудь и омрачила его красивое лицо.

Светало.

И тучи, редая, лениво расползались по небу, как бы не желая дать места всходящему солнцу. Вода реки приобрела холодный блеск стали.

Опять он намеренно толковал. Батюшка, говорит, али это не стыд-позор тебе и мне? Брось ты ее, тебя-то то есть, усмехнулся Силан Петров, брось, говорит, войди в меру. Сын, мол, мой милый, отойди прочь, коли жив быть хошь!

Разорву в куски, как тряпицу гнилую. Ничего от твоей добродетели не останется. На муку, мол, себе родил я тебя, выродка. Дрожит. Батюшка! али, говорит, я виноват? Виноват, мол, комар пискливый, потому камень ты на моей дороге. Виноват, мол, потому постоять за себя не умеешь. Мертвечина, мол, ты, стерва тухлая. Кабы, мол, ты здоров был, хоть бы убить тебя можно было, а то и этого нет. Жалко тебя, кикимору несчастную. Воеет! Ох, Марья! Плохи люди стали! Другой бы э-эхма! Выбился бы из петли-то скоро. А мы в ней! Да, может, так и затянем друг друга.

Это ты о чем? робко спросила Марья, с испугом глядя на него, сурового, мощного и холодного.

Так... Умер бы он... Вот что. Кабы умер... ловко бы! Все бы в колею вскочило. Отдал бы твоим землю, замазал бы им глотку-то, а с тобой в Сибирь... али на Кубань! Кто такая? Жена моя! Поняла? Документ бы такой достали... бумагу. Лавку бы открыл в деревне где. И жили бы. И грех наш перед господом замолили бы. Много ли нам надо? Помогли бы людям жить, а они бы помогли нам совесть успокоить... Хорошо? а? Маша?!

Да-а! вздохнула она и крепко, зажмурив глаза, задумалась о чем-то.

Они помолчали... Журчала вода...

Чахлый он... Может, скоро умрет, глухо сказал Силан Петров.

Дай-ко ты, господи, поскорее бы! молитвенно произнесла Марья и перекрестилась.

Брызнули лучи весеннего солнца и заиграли на воде золотом и радугой. Дунул ветер, все дрогнуло, ожило и засмеялось. Голубое небо между туч тоже улыбалось раскрашенной солнцем воде. А тучи остались уже сзади плотов. Там, собравшись в тяжелую, темную массу, они раздумчиво и неподвижно стояли над широкой рекой, точно выбирая путь, которым скорее уйдешь от живого солнца весны, богатого блеском и радостью, и врага им, матерям зимних вьюг, запоздавшим отступить пред весной.

Впереди плотов сияло чистое, ясное небо, и солнце, еще холодное

по-утреннему, но яркое по-весеннему, важно и красиво всходило все выше в голубую пустыню неба из пурпурно-золотых волн реки.

Справа от плотов был виден коричневый горный берег в зеленой бахrome леса, слева бледно-изумрудный ковер лугов блестел брильянтами росы.

В воздухе поплыл сочный запах земли, только что рожденной травы и смолистый аромат хвои.

Силан Петров посмотрел на задние весла.

Сергей и Митрий точно приросли к ним. Но еще трудно было, за далью, видеть выражение их лиц.

Он перевел глаза на Марью.

Ей было холодно. Стоя у весла, она сжалась в комок и стала совсем круглой. Вся облитая солнцем, она смотрела вперед задумчивыми глазами, и на ее губах играла та загадочная и чарующая улыбка, которая и некрасивую женщину делает обаятельной и желанной.

Поглядывай в оба, ребятушки-и! О-о!.. во всю мочь громыхнул Силан Петров, чувствуя мощный прилив бодрости в своей широкой груди.

И от его крика все кругом как бы колыхнулось. Долго по горному берегу звучало эхо.